

005531235

На правах рукописи

Бадагаров Жаргал Баяндалаевич

**ДАГУРСКО-БУРЯТСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ФОНЕТИКИ И МОРФОЛОГИИ)**

Специальность 10.02.22 – языки народов зарубежных стран
Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии
(монгольские языки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

- 4 ИЮЛ 2013

Элиста
2013

Работа выполнена на кафедре филологии Центральной Азии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Бурятский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Рассадин Валентин Иванович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Сусеева Данара Аксеновна

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории лингвистических и прикладных исследований КИГИ РАН **Бембеев Евгений Владимирович**

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Защита состоится «27» июня 2013 г. в 16.00 ч. на заседании диссертационного совета Д 212.305.01 при ФГБОУ ВПО «Калмыцкий государственный университет» по адресу: 358000, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Пушкина, 11.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВПО «Калмыцкий государственный университет» по адресу: 358011, Республика Калмыкия, г. Элиста, 5 мкр., студгородок.

Автореферат разослан «25» мая 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук

Б.В. Бадмаев

Общая характеристика работы

Актуальность исследования. Сравнительное изучение монгольских языков все еще находится на одном из начальных этапов своего развития. Несмотря на то, что сравнительные грамматики монгольских языков были написаны в середине прошлого века [Porre, 1955; Санжеев, 1953; 1963], многие положения их требуют кардинального пересмотра в свете новых данных, которые получили монголоеды за это время. Так, многие монгольские языки были только недавно открыты и описаны (например, язык канцзя [Siqinchaoketu [=Sechenchogtu], 1999]), другие – например, хамниганский, мангуэрский и монгульский [Janhunep, 2003] – считались диалектами родственных языков, третьи были недостаточно хорошо описаны. Таким образом, сравнительное изучение монгольских языков на основе новых данных, выявление и классификация диахронических процессов фонетического, грамматического и лексического характера, имевших место в истории развития этих языков, в том числе путем сравнения отдельных языков монгольской группы, позволят исследователям глубже понять внутренние и внешние факторы и закономерности их развития, а также пересмотреть общепринятую в монголоведении и алтаистике интерпретацию путей развития протомонгольских диалектов в современные монгольские языки. Важнейшей частной проблемой является попарное сравнение отдельных монгольских языков, которое поможет выявить возможную близость или поздние ареальные контакты внутри монгольской группы. Особенно интересным это становится в контексте исторических связей, которые могли иметь место в прошлом. В отношении дагурского и бурятского языков исторические связи их носителей еще недостаточно изучены. Однако на их несомненное наличие указывают ряд косвенных данных. Так, общеизвестным является историческое название обширной территории к востоку от р. Селенги до пределов Барги – Даурия, которое все еще сохраняется в названии железнодорожной станции и одноименного поселка в Забайкальском районе Забайкальского края, а также недалеко расположенного озера Даурское. Верхоленские эвенки называли бурят *даур* [Василевич, 1958, с. 109]. Населенный пункт Даур есть в Нижнеудинском районе Иркутской области. По мнению историков в XVII в. дагуры населяли территорию от Еравнинских озер и верховьев Витима (Республика Бурятия) до р. Буреи (приток Амура в среднем течении, Бурейский район Амурской области) на востоке [Цыбенков, 2012, с. 33]. На этой территории проживали также, так называемые, хамниганы, язык которых в советское время рассматривался как диалект бурятского языка. На основании анализа архивных материалов было выдвинуто предположение, что перчинские хамниганы в массе своей могли являться потомками дагуров [Намзатов, 2012, с. 108]. В XX в. дагуры и буряты контактировали в районе г. Хайлара (Хулунбуирский аймаг Автономного района Внутренняя Монголия КНР), куда переселились буряты в 20-е гг. прошлого столетия. Таким образом, на территории этнической Бурятии и сопредельных регионах Внутренней Монголии и Маньчжурии в разное время

имели место контакты между различными группами дагуров и бурят, что несомненно не могло не отразиться на их языке. Именно этим объясняется выбор темы и актуальность данного диссертационного исследования.

Объектом исследования является историческая связь языка дагуров с бурятским языком.

Предметом исследования являются дагурско-бурятские языковые связи и их влияние на формирование фонетического и морфологического своеобразия указанных языков.

Целью данного исследования является определение характера дагурско-бурятских языковых связей, что может быть достигнуто путем решения следующих задач:

а) анализ и оценка степени близости дагурского и бурятского языков на уровне фонетики;

б) анализ и оценка степени близости дагурского и бурятского языков на уровне морфологии.

Материалом исследования послужили труды монголоведов по дагурскому и бурятскому языкам, словари и прочая справочная литература, художественные и публицистические тексты на дагурском и бурятском языках, а также личные наблюдения над языком дагуров, полученные нами в ходе научной экспедиции в места компактного расселения дагуров Автономного дагурского хошуна Мориндаваа Хулунбуйрского аймака¹ Внутренней Монголии КНР в 2002 г. На базе опубликованных словарей и полевых материалов нами составлена электронная база данных объемом около 12 тыс. записей.

Для выполнения поставленных целей и задач нами использованы такие **методы и приемы**, как метод лингвистического описания (включая приемы наблюдения, сопоставления, классификации и обобщения), сравнительно-исторический, сопоставительно-типологический, семантико-функциональный, а также методы обобщающей аналогии, компонентного анализа и синтеза, в разной мере применялись методы трансформационного, структурного и морфемного анализа. При сборе материала и проверке отдельных гипотез был использован экспериментальный метод, как совокупность интроспекции и опроса информантов.

Состояние изученности проблемы. Бурятский язык сравнительно хорошо изучен. Издана академическая грамматика бурятского языка, материалы и монографии по диалектам и говорам [Грамматика бурятского языка, 1962; Исследования бурятских говоров, 1965, 1968]. В противоположность ему дагурский язык изучен хуже. Тем не менее, были опубликованы словники и материалы, фольклорные тексты, грамматики и сравнительные исследования по дагурскому языку. Эти материалы широко привлекались при написании данной работы.

Сравнительно-историческое изучение монгольских языков ознаменова-

¹ Ныне в соответствии с административными реформами во Внутренней Монголии аймак переименован в город (муниципальная территория) Хулун-Буйр.

лось получением первых научных сведений о живых монгольских языках. Разумеется, первоначальные сведения страдали несовершенством фонетической фиксации, отсутствием системы при сборе материала и тому подобными недостатками, но, тем не менее, критическое их рассмотрение позволяет извлечь много полезной информации. Первые сведения по «дагурскому»² языку приведены в труде Витсена и относятся к кон. XVII в. Первая же работа, содержащая значительный корпус материалов по дагурскому языку, – это труд А.О. Ивановского «Образцы солонского и дахурского языков» [Ивановский, 1894; 1982]. В ней приведены отдельные слова, бытовые фразы и несколько текстов на дагурском языке, которые даны в транскрипции на кириллице. Причем записи, поскольку автор «мог собирать только материал главным образом лексический», не очень точны. Как пишет сам автор, он записывал прямо русскими буквами, делая пометки об особенностях произношения, которые не могли быть зафиксированы буквами русского алфавита и переписал весь материал знаками «Русской лингвистической азбуки» уже будучи в Петербурге, надеясь на память и на те пометки [Ивановский, 1982, с. v]. Вследствие этого материал Ивановского не является надежным в фонетическом смысле.

Язык дагуров, переселенных маньчжурами на запад в Синьцзян, был зафиксирован Фёдором Муромским [Kałužiński, 1968; 1969; 1970]. Несмотря на то, что основной задачей Ф. Муромского являлось исследование сибирского диалекта маньчжурского языка, он параллельно фиксировал и дагурский язык, оставив науке бесценный материал по языку синьцзянских дагуров. Материалы эти не были опубликованы в виду его преждевременной кончины. Публикация их с необходимыми комментариями и введением произведена польским ученым С. Калужинским [Kałužiński, 1969; 1970].

Дагурский язык упомянут в классификации А.Д. Руднева, где ему отведено место рядом с бурятским языком [Рамстедт, 1908].

Следующая работа, посвященная дагурскому, была написана в 1916 г. Б.И. Панкратовым [Яхонтов, 1998, с. 128]. Она представляла собой студенческую дипломную работу, написанную на основании материалов, собранных им лично в поездках к дагурам. Именно в ней впервые в науке автор приходит к обоснованному выводу о том, что дагурский язык следует рассматривать как один из монгольских языков в противовес к устоявшемуся в то время мнению о дагурском, как о тунгусо-маньчжурском языке [Шренк, 1883, с. 288–291].

Дагурский язык упоминает в своей работе Б.Я. Владимирцов [1929], отводя ему в своей классификации место среди северных монгольских языков.

Изучение дагурского языка в 30-е гг. XX в. связано с именем Н.Н. Поппе. В 1930 г. выходит в свет книга Н.Н. Поппе «Дагурское наречие». В ней автор

² На самом деле слов, которые могут быть дагурскими, в «Дагурском» словнике Витсена очень мало. Подробнее см.: Hajnal L. Witsen's «Dagur» material // Acta Orientalia Hungarica. 1994. № 47. pp. 279–326, а также Badagarov J. Witsen's Daur Lexicon (рукопись).

публикует дагурские тексты, а также краткое описание фонетики и морфологии дагурского языка. В работе отражен диалект, названный Н.Н. Поппе хайларским. Во всей работе использована транскрипция, основанная на кириллице, с добавлением подстрочных и надстрочных диакритик. В ней были использованы следующие знаки: для гласных – а, á, ă, ɛ, ɛ́, ɛ̄, e, ē, ê, i, ī, o, ô, ó, õ, у, ý, ŷ, ǎ, ǎ́, ǎ̄, ǎ̄́, ǎ̄̄, ǎ̄̄́, ǎ̄̄̄, ǎ̄̄̄́, ǎ̄̄̄̄, ǎ̄̄̄̄́; для согласных – б, w, г, ɣ, г, д, ц, ч', j, к', л, м, н, ц, п', р, с, т', ф, х, ч', ч', ш, ш' [Поппе, 1930, с. 105–142].

В 1935 г. в журнале «Asia Major» выходит работа Н.Н. Поппе «Über die Sprache der Daguren», основанная на материале дагурско-маньчжурского словаря [Porre, 1935].

Научное изучение дагурского языка в КНР началось в сер. 1950-х гг. организацией китайско-советских экспедиций для изучения коренных народов и их языков на территории КНР. В экспедициях к тюркоязычным народам принимал участие Э.Р. Тенишев, к монголоязычным – Б.Х. Тодаева. По итогам экспедиционного изучения дагурского языка Б.Х. Тодаевой была опубликована монография «Дагурский язык», основанная на бутхаском диалекте дагурского языка [1986]. Автор использует транскрипцию, основанную на русской графике. Однако она в значительной мере менее точна, чем транскрипция Н.Н. Поппе. В частности нет возможности судить о заднеязычном или переднеязычном характере *n* в конце слова. Гласные – а, о, у, э, и, ā, ō, ǎ, ǎ̄, ǎ̄́, ǎ̄̄, ǎ̄̄́, ǎ̄̄̄, ǎ̄̄̄́, ǎ̄̄̄̄, ǎ̄̄̄̄́; согласные – б, п, м, в, ф, д, т', с, ш, дж, ч, л, р, н, j, з, к', н, х. Часть дагурских материалов опубликована Б.Х. Тодаевой в книге «Монгольские языки и диалекты Китая» [1960].

В результате экспедиций было установлено количество диалектов в дагурском языке [Činggeltei, 1957]. В это же время было проведено несколько научных совещаний по вопросам письменности у дагуров, итогом которых явилась письменность на кириллической основе. Эта письменность впоследствии была переведена на латинскую основу.

Дагурский материал, хотя и ограничено, находит свое место и в работе Г.Д. Санжеева [1953].

Изучение дагурского языка на Западе было ознаменовано выходом в 1952 г. статьи американского исследователя Вильяма Остина «Краткий очерк дагурской грамматики» [Austin, 1952].

Специалист по корейскому и японскому языкам С. Мартин издал «Дагурско-монгольскую грамматику» с аннотированными текстами и глоссарием на основе материалов, полученных им от единственного информанта-дагура – известного западного ученого Ургунге Онона. Работа С. Мартина выполнена в традициях дескриптивной лингвистики, находившейся в то время на пике своей популярности на Западе [Martin, 1961].

Известный венгерский монголовед Лайош Лигети побывал во Внутренней Монголии в 1928–31 гг. В своих «Предварительных отчетах» он приводит небольшой список дагурских слов с начальным *h- [Ligeti, 1977, с. 42–43].

Взросший интерес к дагурскому языку на Западе отражен в статье финского исследователя Юхи Янхунена [Janhunen, 1988]. В этой небольшой по

объему, но очень важной статье Ялхунен констатирует возобновление интереса к изучению дагуров и их языка в КНР, и как следствие во всем ученом мире. После краткого обзора работ, изданных в КНР, он излагает взгляды советских, китайских и японских ученых на фонологическую систему дагурского языка в связи с интерпретацией палатализации и лабиализации согласных в дагурском языке, а также интерпретации открытого или закрытого характера слогов.

Работа по изучению монгольских языков КНР была свернута на долгие годы из-за культурной революции и была возобновлена только в начале 80-х гг. прошлого столетия. Снова были организованы экспедиции, в которых на этот раз принимали участие только ученые КНР. Материалы этих экспедиций были опубликованы в виде серии: для каждого языка был издан словарь, материалы по разговорной речи с образцами фольклора и грамматика. По дагурскому языку были изданы следующие книги: «Дагурский словарь» под редакцией Энхэбату [Engkebatu nar, 1984], «Материалы по разговорной речи дагуров» [Engkebatu nar, 1985], «Краткий дагурско-китайский словарь» [Engkebatu, 1983], «Сравнительная грамматика дагурского и монгольского языков» [Enhebatu, Sinedke, 1988; Namcarai, Qaserdeni, 1983].

В 1982 г. китайский исследователь Чжун Сучунь издал «Краткое описание дагурского языка» [Zhong, 1982] в серии «Краткие описания языков малочисленных национальностей Китая». Работа содержит небольшой глоссарий.

Несомненный интерес для исследователей дагурского языка представляет книга «Традиционная литература дагуров» [Daḡur-un ulamḡilaltu uran ḡokiyal, 1987]. В ней содержатся уникальные тексты XIX в., отражающие язык и реалии того времени, в частности стихи и поэмы Чапсина (1809–1885?), собранные и обработанные его внуком Дэгэшаном (1900–1981).

Не менее интересна книга Энхэбату «Изучение дагурской литературы Цинского периода» [Engkebatu, 2001]. Основное содержание книги составляет 51 произведение, к каждому из которых прилагается перевод и комментарий. Также во введении впервые в научной литературе подробно излагается способ фиксации дагурского языка знаками маньчжурского алфавита, которым дагуры пользовались с начала XIX в. [Engkebatu, 2001, с. 1].

Большой интерес представляет публикация дагурских текстов, выполненная венгерским монголоведом Дьёрдем Карой [Kara, 1995]. В ней содержатся редкие издания на дагурском языке, изданные после решения о создании дагурской письменности на основе кириллицы, в основном школьные учебники и книги для чтения. Д. Кара снабдил издание очерком дагуроведения и привел библиографию работ по дагурскому языку. Книга, на наш взгляд, долгое время будет представлять интерес для всех исследователей дагурского языка.

Ученые из Внутренней Монголии и Китая внесли значительный вклад в изучение дагурского языка. За годы исследований, с перерывом в лихолетье культурной революции, ученым КНР удалось собрать огромный материал, который в последние годы публикуется в серии «Сборник материалов по да-

грамм» [Dawo'er zi liao ji = Daor bitegei horiewu debtlien [=Сборник материалов по дагурам], 1996].

Необходимо отметить, что в связи с развитием генетики, дагурский материал был вовлечен в сферу интересов ученых, исследующих древние популяции человека и их связи с современными народами. Результаты анализа образцов древней ДНК (aDNA), взятых из гробниц эпохи Ляо, показали, что дагуры могут являться потомками киданей [Wu, 1999]. Подобные исследования являются косвенным подтверждением выводов лингвистов и историков.

Таким образом, исследование дагурско-бурятских языковых связей и выявление определенных диахронических закономерностей может быть использовано для изучения других монгольских языков. В конечном счете, это позволит значительно углубить наши представления о характере развития древнемонгольских диалектов и степени их взаимовлияния.

Научная новизна исследования предлагаемой работы состоит в том, что в ней впервые в монголоведении рассматривается влияние дагурско-бурятских связей на формирование этих языков. Взаимовлияние отдельных монгольских языков и диалектов друг на друга еще недостаточно изучено. Представленная работа позволит, прежде всего, выявить степень и глубину влияния дагурско-бурятских языковых связей на формирование данных языков на фонетическом и морфологическом уровнях. Настоящее исследование поможет обогатить знания истории формирования дагурского и бурятского языков, а также монгольских языков в целом. Кроме того, результаты исследования могут быть использованы при сравнительном изучении алтайских языков в целом.

Научная и теоретическая значимость диссертационной работы состоит в том, что в ней впервые рассмотрены и определены объём и степень взаимовлияния дагурского и бурятского языков, обусловившие специфику этих языков в системе монгольских языков и диалектов. Сравнительное исследование показало наличие одинаковых фонетических процессов, приведших к одинаковым изменениям в указанных языках, а также наличие общих грамматических показателей, выделяющих дагурский и бурятский языки в некую общность на фоне остальных монгольских языков. Данные факты позволяют предположить обусловленность сходных элементов в рассматриваемых языках: а) наличием некоего общего монгольского прадиалекта-источника, б) поздними ареальными контактами на обширной территории от Байкала до Маньчжурии.

Полученные данные и методические приемы могут быть использованы при сравнительном изучении других монгольских и алтайских языков для решения многих актуальных проблем таксономии и лингвистической компаративистики этих языков.

Практическая ценность работы заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы для составления машинного описания морфологии рассматриваемых языков, которое может быть использовано при создании аннотированного корпуса, системы автоматического перевода с бу-

ряцкого на дагурский язык и обратно и т.п., а также в возможности использования его результатов в работах по сравнительной грамматике монгольских языков и алтаистических исследованиях.

В соответствии с целями и задачами диссертационного исследования на защиту выносятся следующие положения:

1. Вокализм и консонантизм дагурского и бурятского языков обладают рядом сходств, обусловленных как общностью происхождения, так и поздними ареальными контактами. Дагурский вокализм более сложный в плане развития процессов ассимиляции и диссимиляции, что привело к образованию ряда палатализованных и лабиализованных согласных, фонологический статус последних зависит от принятой для описания теоретической базы.

2. Процессы, влияющие на звуки в потоке речи в дагурском и бурятском языках, определяют дальнейший потенциал развития звукового строя рассматриваемых языков. Сингармонизм все еще играет важную роль в обоих языках, хотя в дагурском он претерпел наиболее кардинальные изменения, в результате которых в нем выработалось большее количество нейтральных гласных. Ассимилятивно-диссимилятивные процессы вкупе с ротацизмом определяют фонетическое своеобразие дагурского языка в сравнении с бурятским и прочими монгольскими языками.

3. Словесное ударение, оказывая влияние на слоговую структуру слова, является еще одним фактором фонетических изменений в языке. Ударение в дагурском и бурятском языках в немалой степени определило фонетическое своеобразие этих языков, повлияло на развитие звуковой формы некоторых грамматических показателей на стыке слова и морфемы.

4. Имя существительное дагурского и бурятского языков обнаруживает ряд особенностей в проявлении категории множественности, склонения и притяжания. Дагурский язык и отдельные бурятские говоры показывают относительную близость к общемонгольскому состоянию. В основе своей все именные словоизменительные формы являются общемонгольскими и соответственно одинаковы и в дагурском, и в бурятском языках. Степени проявления качества у дагурских и бурятских прилагательных образуются по одним и тем же моделям, при помощи одних и тех же общемонгольских аффиксов. Разряды числительных и формы их образования идентичны и в дагурском и в бурятском языках.

5. Наречие в дагурском языке образуется по более архаичным моделям, чем в бурятском языке. Наречия образа действия более распространены в бурятском языке.

6. Глагол обладает теми же формами что в дагурском, что в бурятском языке. В целом дагурский язык показывает наличие более простой системы глагольных форм по сравнению с бурятским. Залоговые формы дагурского и бурятского языков идентичны. Состав видовых форм дагурского языка представлен двумя видами, тогда как для бурятского выделяется до шести видов. Система неличных форм дагурского и бурятского языков, представленная причастиями и деепричастиями, в целом обнаруживает сходства, а различия

лежат в сфере семантического развития или нейтрализации общемонгольских форм. Личные формы глагола обоих языков, проявляющиеся в формах наклонения, в целом имеют общее происхождение, за исключением того, что в дагурском языке система претерпела некоторое упрощение.

7. Местоимения в дагурском и бурятском языках обладают одинаковыми разрядами. Личные местоимения в дагурском языке сохраняют больше архаичных черт, чем в бурятском языке. Неопределенные местоимения образуются по общемонгольским моделям.

8. Служебные слова в дагурском и бурятском языках показывают ряд соответствий, часть из которых, вероятнее всего, возникла в результате языкового контакта.

Апробация работы. Диссертация была обсуждена на заседании кафедры филологии Центральной Азии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Бурятский государственный университет». Основные положения и выводы исследования нашли отражение в докладах на научных конференциях:

«Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии» (Улан-Удэ, 2000).

«Мир Центральной Азии» (Улан-Удэ, 2002).

«Чингисхан и судьбы народов Евразии» (Улан-Удэ, 3-5 октября 2002).

«Языковая политика и наследование языка в современном Китае: миноритарные языки» (Токио, 3 декабря 2012) и др.

Результаты исследования опубликованы в сборниках научных статей и журналов. По теме диссертации подготовлено семь статей, из них три статьи опубликованы в реферируемых журналах из перечня ВАК.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии, списка сокращений, условных обозначений и списка информантов.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность выбранной темы, определяются объект и предмет исследования, формулируются цели и задачи работы, указывается материал исследования и методы его анализа, характеризуется степень изученности темы, раскрывается научная новизна, излагается теоретическая и практическая значимость работы, положения выносимые на защиту, апробация и структура диссертации.

Первая глава «Звуковой строй дагурского и бурятского языков» состоит из четырех параграфов и посвящена сравнительному анализу звукового состава дагурского и бурятского языков. Подробный фонемный анализ вокализма и консонантизма двух языков и сравнение с данными старописьменного монгольского языка, а иногда и других монгольских языков и диалектов, позволяют выработать системный взгляд на историю развития звукового строя исследуемых языков, выделить и описать наиболее характерные фоне-

тические процессы, обусловившие своеобразие сложившихся в результате диахронического развития двух фонетических систем.

§ 1 «Вокализм» состоит из четырех разделов: 1) краткие гласные первого слога, 2) краткие гласные непервых слогов, 3) долгие гласные, 4) дифтонги. Наиболее характерной общей чертой вокализма дагурского и бурятского языков, на наш взгляд, можно считать упрощение древней системы из 7-8 кратких гласных, в результате которого в дагурском языке образовалось 5, а в бурятском – 6 кратких гласных. Как справедливо считает В.И. Рассадин, данный процесс, скорее всего, связан с адстратно-субстратными явлениями и возник под влиянием тунгусо-маньчжурских языков [1982, 167-168]. Однако это упрощение в этих языках отражается по-разному: если бурятский демонстрирует регулярные изменения, то в дагурском, напротив, довольно трудно выявить регулярные соответствия, что, на наш взгляд, является свидетельством наличия разновременных заимствований, наслоившихся на оригинальный лексический пласт. Также это можно объяснить более продолжительными и глубокими контактами дагуров с тунгусо-маньчжурами, в отличие от сравнительно кратковременных контактов протобурятов. Приблизительно сходное качество демонстрируют фонемы /a/, /o/, /i/.

Фонема /e/ реализуется в виде бур. [э] и даг. [e], различие между ними состоит в лабиализованном характере звука в дагурском языке. Это сходство по месту образования было отражено в ранних русских исследованиях по дагурскому и бурятскому языкам, в которых этот звук обозначен посредством русской буквы *ы*. Данный лабиализованный звук характерен для всех восточно-монгольских говоров, хамниганского, а также тунгусо-маньчжурских языков, и может рассматриваться как отличительная черта языков маньчжурского региона. Так, буряты, ушедшие в 20-30 гг. XX в. в Хулун-Буйр, выделяются тем, как произносят фонему [e] (т.е. как огубленный среднеязычный четвертой ступени подъема). Долгая [e:] в бурятском значительно изменяет свое качество и реализуется как /e:/, в дагурском же качество как у краткого сохраняется, изменяется только количественная характеристика [o:].

**и*, **й*, **ö* в дагурском дают несколько типов рефлексов: 1) объединяются в [и] – среднеязычный огубленный звук самой высокой ступени подъема; 2) **и* дает *о* (*хордон*, *ос*, *гоч*); 3) **и* дает дифтонг *уа* в большинстве случаев, когда гласная в следующем слоге **а* (*дуар* < **dura*, *хуадал* < *qudal*, *уал* < *ula*), после губного гласного в результате нейтрализации губной инкурсии отражается как *а* (*баг* < **biqa*, *баркан* < **birqan*, *бадаа* < **budaya*); 4) **ö* дает *уэ*.

Долгие гласные являются результатом нескольких процессов: 1) развитие комплексов ГСГ, 2) позиционное удлинение кратких гласных, 3) монофтонгизация дифтонга **ау* в определенных позициях и отражение в виде [e:].

Дагурский дает дифтонги во всех случаях (где в бурятском образуется долгий гласный), когда в комплексе ГСГ первый гласный широкий, а второй – узкий: **ау* > *ау*, бур. *уу*, *егү* > *эу*, бур. *үү*, *ау* > *аи*, *еу* > *еи* и т.д. Дагурские дифтонги со вторым элементом *и* часто реализуются как обычные дифтонги в отличие от бурятских, где оба компонента дифтонга, в результате ассимиляции стремятся к полному совпадению.

В § 2 «Консонантизм» рассматривается система согласных дагурского и бурятского языков, имеющая ряд сходств, одним из которых является выработка палатализованных согласных фонем. Губные согласные в дагурском и бурятском языках по сути те же: /p/, /b/, /m/. Здесь сохраняется общий для большинства монгольских языков билабиальный характер образования этих звуков. В исконных словах дагурского языка /p/ встречается в начале и середине слова, тогда как в бурятском он в основном встречается в начале слова (исключение составляют изобразительные слова и заимствования): даг. *Чолпон*, бур. *Солбон*, халх. *Цолмон* 'Венера (утренняя звезда)', даг. *умпаагу*, бур. *умбаха*, халх. *умбах* 'плавать'. Совпадает и палатализованный ряд: /pʰ/, /bʰ/, /mʰ/. Общие изоглоссы имеют такие слова как *мяг* – *мяхан* (халх. *мах*, ойр. *махн*) 'мясо', *нёдрук* – *нюдарга* (халх. *нудрага*, калм. *нудрһн*) 'кулак'. Они совпадают в отношении развития палатализованного согласного под влиянием последующего *i. Губные щелевые в анлауте связаны с заимствованиями: в бур. из русского языка, в даг. из маньчжурского и китайского. В речи носителей, хорошо владеющих иностранным языком, эти звуки могут по месту образования быть близкими к оригинальному звуку, т.е. губо-зубными: [f], [v]. В обычном произношении они реализуются также как интервокальные оттенки соответствующих билабиальных фонем: [ф], [β]. Особняком стоит вопрос о фонеме /w/. Данная фонема выделяется практически всеми авторами. Переднеязычные также в основном обнаруживают сходство: /t/, /d/, /n/, /s/, /ʃ/, /ʒ/

В дагурском не развились свистящие аффрикаты. В бурятском протомонгольские шипящие аффрикаты развились в шипящие и свистящие щелевые звуки (последние через промежуточную ступень в виде свистящей аффрикаты). В фонетическом плане это произошло в интервокальной позиции, в потоке речи после смычных согласных аффрицированность у этих звуков сохраняется. Фонематически щелевые оттенки интерпретируются как основные, таким образом, приводя к утверждению об отсутствии аффрикат в бурятском языке [Рорре, 1987, с. 22]. Заднеязычные согласные представлены одинаковым рядом непалатализованных согласных. В бурятском палатализованный ряд, соответствующий непалатализованным заднеязычным реализуется как среднеязычный. Увулярные согласные представлены только непалатализованным рядом, характерным для всех монгольских языков. Заднеязычные и увулярные звуки объединяются в единые фонемы. В бутхаском диалекте дагурского языка в некоторых словах (*харбан*, *хоон*, *хэльгэн*) начальная фонема *x* восходит к протомонгольскому и протоалтайскому *p > *f > *h. Фарингальный h < *s является характерной особенностью бурятских диалектов, дагурский такого развития не знает.

§ 3 «Звуки в потоке речи» состоит из трех разделов, в первом из которых рассматривается явление гармонии гласных в дагурском и бурятском языках. В дагурском языке, несмотря на кажущуюся с первого взгляда сложность, сингармонизм представляет собой довольно строгую систему. Тут нужно сразу сказать, что в дагурском и палатальный, и лабиальный сингармонизм по типу ближе восточномонгольским диалектам, нежели западномонгольским.

Различие лишь в составе гласных нейтрального ряда, коих в дагурском языке значительно больше, чем в бурятском. Сингармонически сильными в дагурском языке являются гласные твердоярдные *a*, *o* и мягкорядная *э*: В основе слова 1) после *a* не могут следовать все производные *э* и краткая *o*; 2) после *o* – все производные *a* и *э*; 3) после *э* – все производные *a* и *o*. Если слово оканчивается на *o*-образный долгий или дифтонг, то в аффиксе употребляется долгая *a* (*чолоо+йаар*, *оо+гаасаа*, *морчогой+йаар*), твердоярдное слово на *у* принимает аффикс с долгой *оо* (*чаачук{у}+оораа*, *анук{у}+оор*).

Бурятский язык сохранил систему близкую к древней, хотя в нем исчезла одна фонема в ряду мягкорядных огубленных, что обусловило некоторые особенности по отношению к другим монгольским языкам. Так, наличие краткой *ү* в первом слоге диктует выбор долгой гласной *өө* в аффиксах (*үг{э}+оор*, *тург{эн}+өөр*).

Во втором разделе третьего параграфа посвященном процессам ассимиляции и диссимиляции в дагурском и бурятском языках описаны основные процессы, приводящие к изменениям звуков в потоке речи. Подобные изменения звуков весьма характерны для дагурского языка и широко распространены во внутренних сандхах. Так, начальный согласный аффикса причастия прошедшего времени *-сан*, изменяется в зависимости от согласного в конце основы: *шад+тан*, *ал+лан*, *он+нон*. Подобное явление для бурятского языка не характерно. Другие ассимилятивные изменения включают 1) *n>м* перед *б*: даг. *явсан+ба* – *явсамба*, бур. *ошоо һэн+би* – *ошоо һэмби* – *ошоо һэм*; 2) *b>м* после *м*: даг. *явсамба* – *явсамма*. Ассимилируется также согласный *p*, отделенный краткой гласной от последующего *л*, либо находящийся непосредственно перед ним: даг. *арал* – *алла*, *эрлис* – *эллис*. Описанное выше изменение первого звука аффикса причастия прошедшего времени может также иметь объяснение через диссимилятивные процессы. Так, если глагольная основа оканчивается на *-с*, то аффикс изменяет первую согласную на *-т*: *сонс+тон*. Диссимилятивные процессы также оказали значительное влияние на развитие звукового строя всех монгольских языков. В некоторых диалектах бурятского языка общемонгольские процессы не имели места: эхир. *йөрөөр*, лит.-бур. *юрөөл*, халх. *ерөөл*, калм. *йөрэл* ‘благопожелание’. В дагурском можно обнаружить следы диссимиляции *л*, не характерные для других монгольских языков: *кээль* – *кээрэлч*.

Дагурский ротацизм рассмотрен в третьем разделе § 3. Он последовательно изменяет согласные в ауслауте. Изменениям подвержены согласные **b*, **s*, **g*, даг. *эрчуу* < **ebčigün*, бур. *үбсүүн* ‘грудь’. Данное явление в известной степени характерно и бурятским диалектам (хор.-бур. *неэртэй* – *энеэдтэй* ‘смешной’, *зарсаха* – *загсаха* ‘застывать (о жире)’). В виду довольно ограниченного круга бурятских слов, где можно усмотреть действие ротацизма, вполне возможно, что данная тенденция могла возникнуть под влиянием некого языка типа дагурского.

§ 4 «Словесное ударение» рассматривает ударение в дагурском и бурятском языках. Словесное ударение связано со слоговой структурой слова и

оказывает на нее непосредственное влияние. Чаще всего изменения ударения и соответственно слоговой структуры слова происходит под влиянием внешних факторов. Сокращение многосложных слов исследователями связывается с ранним тюркским влиянием. Известно, что более поздние продолжительные контакты с тюрками не смогли оказать существенного влияния на структуру слова западномонгольских диалектов. Вероятно, для того, чтобы процесс охватил всю лексику, необходимы какие-то другие условия, например, значительный субстрат. Представляется также, что, чтобы родной (например, тюркский) язык смог оставить заметные следы, процесс освоения нового языка должен проходить довольно быстро, причиной чего могут быть внезапные политические перемены (смена правителей и т.п.). Таких перемен в истории Центральной Азии было достаточно, и вопрос о точных причинах подобных изменений еще ждет своего исследователя.

Вторую главу «Особенности морфологического строя дагурского и бурятского языков» составляет сравнительный анализ морфологии указанных языков.

В § 1 «Именные части речи» рассматриваются такие лексико-грамматические группы слов, как 1) имя существительное, 2) имя прилагательное и 3) имя числительное. В монгольских языках, в том числе дагурском и бурятском, имена существительные обладают общими категориями множественности, падежа и притяжания. Категория множественности представлена аффиксами даг. *-р*, *-нар*, *-нур*, *-сул*, *-аали*, *-ээджэр* и *-чезн*, бур. *-д*, *-ууд*, *-нууд*, *-шуул*, *-шууд*, *-нар*, *-над*, *-дууд*. Дагурский ротацизм позволяет нам свести воедино даг. *-р* и бур. *-д*, даг. *-нур* и бур. *-нууд*. Принято считать, что даг. *-сул* имеет тунгусо-маньчжурское происхождение. Тем не менее, нужно иметь в виду возможное монгольское или общее монгольско-тунгусо-маньчжурское происхождение данного аффикса. Дагурский аффикс *-аали* является аффиксом двойственного числа для обозначения двух лиц связанных одинаковыми родственными отношениями друг с другом. Например: *базаали* 'два свояка', *таараали* 'два двоюродных брата'. Это значение в бурятском языке уже утрачено, хотя слова с таким формантов существуют и в большинстве своем относятся к лексике родственных отношений: *үеэлэ*, *хаялала* и т.п. В единичных случаях данный аффикс употребляется с другими словами: даг. *хачаали* 'развилка, ответвление' – *хач* 'вилы', бур. *хаалингууд* 'хань' – *хаан* 'хан'.

Категория склонения в дагурском языке характеризуется общим именительно-неопределенным падежом (т.е. основа без *-н* может быть подлежащим, дополнением и непоследним однородным членом в цепочке однородных членов предложения). В бурятском же языке именительный и неопределенный падеж формально разграничены конечной *-н* в именительном падеже (подлежащее). Неопределенный падеж используется для выражения дополнения (прямого и косвенного), непоследних однородных членов и первых элементов парных слов (*хэлэ бэшэг*, *одо мүшэд*, *хони ямаан*). Косвенные основы в дагурском никогда не восстанавливают *-н*, тогда как в бурятском *-н*

восстанавливается для основ в родительном, дательном-местном, исходном и совместном падежах. Таким образом, формы слов в родительном и винительном падежах в дагурском языке абсолютно идентичны, отличаясь лишь синтаксической сочетаемостью – родительный в именных и винительный в глагольных словосочетаниях. Формы родительного падежа в монгольских языках представляют большой интерес для исследований в области исторической фонетики монгольских языков. Так, форма родительного падежа, зафиксированная монгольской письменностью – *-u/-ü* – не сохранилась в этом виде ни в одном из живых монгольских языков. В любом случае одним из этапов развития формы родительного падежа являлась **-i(i:?)*. Именно из этой формы происходит халх. *-ы/-ий*. В таком случае каким образом появились бур. *-ай/-ой/-эй*? Мог ли это быть процесс сходный с великим сдвигом гласных в английском языке? Очевидно, что нет. Так как этот процесс в английском языке охватил всю систему гласных, в монгольском такого масштабного смещения качества гласных звуков не наблюдается, по крайней мере, на данном этапе интерпретации известных письменных систем и их памятников. История развития вокализма монгольских языков также не знает примеров перехода монофтонгов дифтонги. Обратный процесс, напротив, хорошо известен, и его можно наблюдать в форме совместного падежа дагурского языка *-ты*. Точно такой же формант зафиксирован исследователями бурятских диалектов в цонгольском говоре бурятского языка. Дательном-местный представлен одинаковыми аффиксами *-д* (*-да*) и *-т* (*-та*). Винительный падеж также совпадает. Исходный падеж в дагурском языке образуется при помощи аффикса *-аас*, как в халх. и южных говорах бурятского языка. Эпитетический согласный между конечным долгим гласным или дифтонгом основы – *-й*, в халх. *-г*, бурятский язык использует оба варианта. Сказанное так же справедливо для орудного падежа. Формы орудного падежа в дагурском языке из-за явления ротацизма могут быть фонетически одинаковыми с показателями исходного падежа: *-аар*. Формы направительного падежа, аналогичной той, что выработана в халх. или ойр. в дагурском и бурятском нет. Для выражения этого значения используются послелогии: бур. *руу* (*уруу*), *тээшээ*, даг. *джур* (= бур. *зуг*). Хотя в бурятском послелог *руу* уже находится на стадии превращения в падежный аффикс: он знает сингармонические варианты, но все еще не принимает на себя ударение, оставаясь клитикой: *нюдэ рүүм* ‘в мои глаза’, *хүзүү рүүнь* ‘в его шею’. Соединительный падеж ни в бурятском, ни в дагурском не сохранился. Однако есть предельный падеж даг. *-чаар*, бур. *-саа*: даг. *соочаар*, бур. *хугасаа* ‘до подмышек’, согласно Г.Д. Санжееву относящийся к падежам ограниченного употребления [1953, с. 94].

Аффиксы притяжения восходят к генитивам личных и возвратного местоимений, соответственно различают личное и безличное притяжание. Возникновение данной категории на наш взгляд связано с синтаксическим маркированием границ именной фразы. Например: письм.-монг. *minu morin minu* ‘моя лошадь (моя)’. Это особенно было необходимо в тех случаях, когда именная фраза разрасталась из-за однородных определений или распространенного

причастного оборота. Такое маркирование, нужно полагать, возникло довольно давно, т.к. в качестве конечного маркера именной фразы с возвратным местоимением используется форма **ben*, восходящая к мертвой основе возвратного местоимения **öben* с конечной *-*n*, ср. письм.-монг. *öber*, бур. *өөр*, даг. *уээр*, ойр. *эврэн*. В процессе своего развития этот формант прошел путь от генитива местоимения через клитику до полноценного аффикса: *-aa^t*. В дагурском существует интересное явление, подтверждающее нашу гипотезу возникновения показателя безличного притяжания: к слову, оформленному аффиксом безличного притяжания, присоединяется еще один аффикс с тем же значением *-мун* (*-мул*) < *ben* < **öben*. Это идентично двойным показателям множественного числа. В результате размытия первоначального значения и функции аффикса возникает необходимость снова подчеркнуть размытое, не такое четкое, как прежде, или утраченное значение. Дагурский язык здесь идет дальше и образует форму *-мунээ*, т.е. показатель безличного притяжания употребляется третий раз. Формы родительного падежа личных местоимений остановились на стадии клитики (даг. *минь*, *маань* (инкл.), *наань* (экскл.); *шинь*, *таань*; (й)*шинь*, (й)*шинаань*; бур. (м)*ни*, (м)*най*; *и(ни)*, *тнай*; (*иш/ы*)*нь*), т.к. они не принимают на себя ударения. В дагурском языке в отличие от бурятского показатель личного притяжания первого лица множ. ч. различает инклюзивность/эксклюзивность, в третьем лице есть различие по числам.

Во втором разделе «Имя прилагательное» рассмотрены дагурские и бурятские прилагательные, которые можно поделить на качественные и относительные. Степени качества образуются аффиксальным и синтаксическим способом. Аффиксы даг. *-кан*, *-чир* (*-чирээ*), *-лбезн*, *-каалин*; бур. *-хан*, *-бтар*, *-шаг*, *-лби*, *-сар* передают различную степень выраженности качества. В обоих языках используются сходные синтаксические конструкции для выражения степеней сравнения: даг. *хулаанаас хулаан*, бур. *улаанһаа улаан* ‘краснее красного’, даг. *хундурээс хундур*, бур. *үндэрһөө үндэр* ‘самый высокий’, даг. *алдаас орто*, бур. *алдаһаа ута* ‘длиннее сажени’, даг. *хуб хулаан* (даг.-циц. *хуу хулаан*), бур. *уб улаан* ‘интенсивно красный’, даг. *чим чигаан*, бур. *саб сагаан* ‘белый-пребелый’, даг. *над хар*, бур. *над хара* ‘чернуший’, даг. *айдугу сэрт*, бур. *айдахатай шуран* (*Һэргэлэн*) ‘очень (жутко) шустрый’, даг. *экэн хиг*, бур. *эгээн ехэ* ‘самый большой’, даг. *мадан хар*, бур. *тон хара* ‘черный-пречерный’, даг. *бороот моо*, бур. *үнэхээр муу* ‘в самом деле никудышный’, даг. *уджаангуй халуун*, бур. *туйлай халуун* ‘чрезвычайно’, даг. *дэрээнгүй холоо*, бур. *хэмжээгүй холо* ‘неизмеримо далеко’.

В третьем разделе «Имя числительное» рассмотрены имена числительные дагурского и бурятского языков. Количественные числительные указанных языков демонстрируют сходство. В дагурском большие числа разбиваются на группы по четыре цифры, поэтому числительное *тум* ‘десять тысяч’ очень употребительно. Данное явление также характерно для внутренимонгольского, и видимо сохраняется под влиянием китайского языка. Бурятский язык знает числительное *түмэ(н)* ‘десять тысяч’, но оно малоупотребительно, т.к. официально принято делить большие числа на группы по три цифры. Да-

гурский не знает числительных тибетского происхождения, таких как бур. *бум, жибаа, сая, дониуур*, вместо них используются *харбан тум, мянган тум, джау тум, тумэн тум* соответственно. В функции определения и при образовании сложносоставных числительных в обоих языках числительные принимают конечное -н. Разряды числительных суть те же: количественные, порядковые (даг. *-даар*, бур. *дугаар, -дах*)³, собирательные (даг. *-аал(ан)*, бур. *-уула(н)*), распределительные (даг. *-аагаар*, бур. *-аад*), повторительные (даг. именные словосочетания с *мадан, эрин, таан* 'раз'; бур. *удаа*; глагольная форма *дахин*, аффикс *-та*), приблизительные (*-аад*), дробные (даг. слово *оби* < **qubi-yin*).

В § 2 «Наречие» рассмотрены наречия в дагурском и бурятском языках. Наречия представляют собой неизменяемые слова, часто застывшие грамматические формы слов, и делятся на следующие разряды: места и направления (даг., бур. *эндэ* 'здесь', даг. *эйдээ*, бур. *ишээ* 'сюда', даг. *тиидээ*, бур. *тиишээ* 'туда', даг. *дээрээс*, бур. *дээрэнээ* 'сверху', даг. *дээгидээ ~ дээйиидээ*, бур. *дээшээ* 'вверх', даг. *дуариандаа*, бур. *доошоо* 'вниз', даг. *хуайнда*, бур. *хойшоо* 'назад', даг. *эмэлдээ*, бур. *урагшаа* 'вперед', даг. *бээд, гаад* бур. *газаа* 'снаружи, наружу' и т.п.); времени (даг. *эрдэ ~ эртэ*, бур. *эртэ* 'рано', даг. *эртэкээли*, бур. *эртэшиг* 'пораньше, рановато', даг. *орез*, бур. *орой* 'поздно', даг. *бянда ~ банни ~ бянна ~ байнда*, бур. *үглөө, үглөөгүүр* 'утром, поутру', даг. *хуайна*, бур. *хойно, хожом, хүүлдэнь* 'потом, после', даг. *эдээ*, бур. *мүнөө* 'сейчас', даг. *ордоон*, бур. *урдань, урдандаа* 'прежде, в старину', даг. *амаамаа*, бур. *дороо, энэ бэээрээ* 'сразу, тут же'); образа действия (бур. *хайнаар* 'хорошо', *муугаар* 'плохо', *сухалтайгаар* 'сердито', *баяртайгаар* 'радостно', *түргөөр* 'быстро', *сэхээр* 'прямо', *бэрхээр* 'умело, мастерски', *ууртайгаар* 'сердито, гневно'); меры и степени (даг. *араан*, бур. *арай* 'еле, едва', даг. *дэмбил*, бур. *нилээд, яһала* 'довольно много', даг. *бороот* 'действительно', бур. *нэгэмүһэн* 'уже', даг. *дэжээлдэжи*, бур. *барагшаг* 'в принципе нормальный, приемлимый', даг. *йисоор*, бур. *бараг, ёһоор* 'нормальный, должный', даг. *мадан*, бур. *маша, тон* 'очень').

К наречиям образа действия традиционно относят большой пласт образных корней. Однако этот лексический пласт имеет совершенно другие характеристики нежели наречия, что ни в коей мере не мешает им выполнять адвербиальные функции. Вызывая в представлении носителей яркий и сложный образ (визуальный, слуховой, сенсорный), образные слова идеально подходят для того чтобы определять действие с точки зрения характера его протекания, но при этом, как уже было сказано, не являются наречиями. Собственно наречий образа действия в дагурском мало. В бурятском языке за счет образования наречий при помощи аффикса орудного падежа список наречий образа действия может быть довольно внушительным. Между тем это еще не полностью лексикализовавшаяся группа слов: иногда трудно

³ Также употребляются формы даг. гутаар, дутээр, табтаар, бур. гутаар < *γutaγar, dötüger, tabtaγar*.

провести отчетливую границу между прилагательным в орудном падеже и наречием.

§ 3 «Глагол» состоит из 4 разделов: 1) залог, 2) вид, 3) неличные формы, 4) личные формы. В сфере глагола дагурский и бурятский языки демонстрируют множество сходств. Так, оба языка знают лично-предикативные аффиксы, которые также характерны для ойратских диалектов. Однако дагурский, сохранив инклюзивные и эксклюзивные формы личных местоимений, отражает это различие и в системе лично-предикативных аффиксов.

В разделе 1 § 3 рассмотрен состав залогов в дагурском и бурятском языке, который в целом совпадает. Дагурский побудительный залог образуется при помощи аффиксов *-лгаа* и *-гаа*, в бурятском – *-уул*, *-лга*, *-га*, *-ха*, *-аа*. В дагурском нет аффикса *-уул* побудительного залога, который, по-видимому, восходит к аффиксу **l* с протетическим гласным **и*. Страдательный залог образуется при помощи аффиксов даг. *-рд*, бур. *-гда³* < **-γda*. Совместный залог образуется аффиксами даг. *-лч*, бур. *-лса³* < **lča*. Взаимный залог даг. *-лд* и бур. *-лда³* < **-ldu* может выражать значение совместного выполнения действия аналогично совместному залогоу. Поэтому многие исследователи объединяли их в один общий совместно-взаимный залог.

Во втором разделе настоящего параграфа дается описание и сравнение видовых форм в дагурском и бурятском языках. Они не так однородны как залоговые формы этих языков. Для дагурского языка исследователи выделяют повторительный (*-лджи*, *-галджи//гэлджи//гулджи*, *-лаа²*, *-джоо//дэжээ*) и завершённый (*-джик*) виды [Namcarai, Qaserdeni, 1983, с. 286–288]. Система глагольных видов наиболее разработана у Ц.Б. Цыдендамбаева: 1) внезапный *-ша³*, 2) мгновенный на *-рхи ~ -аа³дхи*, 3) многократный на *-л*, 4) учащательный на *-са³гаа⁴*, 5) уменьшительно-ласкательный на *-хада³*, 6) ограничительный на *-д гэ ~ -нта³* [Цыдендамбаев, 1979, с. 121–126].

Третий раздел параграфа «Глагол», посвященный неличным формам глагола, поделен на две части: в первой рассмотрены причастные формы, а во второй – деепричастные. Система причастных форм дагурского языка более простая: в ней отсутствует ряд форм, обычных для бурятского языка. Так, в ряду временных причастий отсутствует форма настоящего времени на *-аа*; в ряду видовых причастий вместо многократного причастия на *-даг* используется постоянное причастие на *-аачи*, однократного причастия нет, т.е. вместо трех видовых причастных форм бурятского языка – однократного, многократного и постоянного – наличествует только одна, а именно постоянное причастие, которое может использоваться в значении многократного причастия других монгольских языков; нет разряда модальных причастий, а также страдательного причастия (бур. *-аатай*). В бурятском языке в ряду временных причастий выработана особая форма завершено-прошедшего времени *-нхай* (*-нги*) на базе отглагольной именной формы, обычно осознаваемой носителями как относительное прилагательное. Более употребительным в бурятском языке по сравнению с современным монгольским языком является при-

части возможности на *-хаар* вм. причастия возможности на *-маар*. Причастие невозможности на *-шагуй* употребляется так же, как и в старописьменном и современном монгольском языках. Отсутствует причастие целесообразности на *-ууштай*, вместо которого используется причастие целесообразности на *-лтай* < **l-tai* (отрицательная форма или причастие нецелесообразности – *-лтагуй* < **l-tu ügei*). Деепричастия в дагурском и бурятском языках показывают много сходных черт. Как и вообще в монгольских языках дагурские и бурятские деепричастия можно поделить на две группы: сопутствующие и обстоятельственные. К сопутствующим относятся: соединительное, слитное, разделительное, отрицательное деепричастия; к обстоятельственным – условное, предельное, предварительное, последовательное, продолжительное, заменное, попутное, образа действия, целевое, степени действия, уступительное, причинное и приблизительное деепричастия. Из них приблизительное выделяется только для дагурского языка, а отрицательное, образа действия, степени действия и деепричастия причинное – только для бурятского. Кроме того, формальное отличие показывают деепричастие цели – даг. *-гаанез*, бур. *-хаяа -хаа*; попутное – даг. *-ааджаар*, бур. *-нгаа*, заменное – даг. *-тлаан*, бур. *-нхаар*, последовательное – даг. *-гудээмки*, бур. *-халаар*; предварительное – даг. *-гуээтэр*, *-ээрэл*, *-мкиш*, бур. *-мсаар*. Деепричастие бур. *-жай*, даг. *-джиш*, выражающее длительность действия выделяет рассматриваемые языки на фоне других монгольских языков. Условное деепричастие *-аасаа* совпадает с протоформой условной конструкции бурятского языка – *-аа хаа*.

В четвертом разделе данного параграфа рассмотрена система личных форм дагурского и бурятского глагола. Личные формы представлены категорией наклонения. В соответствии с последними достижениями в монгольском языкознании [Рассадин, 1996; Рассадин, Трофимова, 2012] мы выделяем следующие наклонения в дагурском и бурятском языках: изъявительное (временные формы), модальное (повелительные, увещательные, призывательные, намерительные, желательные и опасительные формы), обстоятельственное (условная и уступительная формы) и ирреальное (сослагательная форма) наклонения. Дагурские временные формы изъявительного наклонения претерпели упрощение по сравнению с исходной обшемонгольской системой, сохранив в настояще-будущем времени форму на *-бэй* (*-b ~ -bi*) < **-mui* и *-н* < **-na* и в прошедшем времени лишь форму на *-сан* < **-γsan*. Бурятский язык с одной стороны показывает тенденцию к более сложной системе с отдельными формами будущего времени на *-ха* < **-qu* (причем можно говорить об общем будущем с аффиксом *-ха* + лично-предикативные частицы и ближайшем будущем с тем же аффиксом *-ха* + лично-притяжательные частицы; последняя форма стоит на стыке между индикативом и волонтиативом, в грамматике дагурского языка аналогичная форма трактуется как волонтиатив), с одной стороны, и упрощением в ряду форм прошедшего времени (общее прошедшее на *-аа* < **-aγa*, историческое прошедшее на *-һан* < **-γsan*, недавнопрошедшее *-ба* < **-ba*, в современном языке практически исчезла форма общего прошедшего

времени на *-лай* < **-luɣai*, хотя она зафиксирована в фольклорных текстах), с другой. Самым значительным сходством индикативных форм дагурского и бурятского языка является их спряжение по лицам и числам, которое отсутствует в собственно монгольских диалектах. По данному признаку дагурский и бурятский языки объединяются с хамниганским и ойратскими говорами, включая калмыцкий язык. Однако в системе лично-предикативных форм дагурского языка отражаются такие особенности системы личных местоимений данного языка, как различение эксклюзивных (*-баа*) и инклюзивных (*-даа*) показателей в 1 лице мн. ч.

Модальное наклонение. Основа глагола в дагурском и бурятском языках выступает в качестве повелительной формы 2 лица ед. ч., как и в прочих монгольских языках; во 2 лице мн.ч. в дагурском языке к основе глагола присоединяется аффикс *-тоо* ~ *-туу* < **-ɣtu(?)*, бур. *-гты* < **-ɣtui*. В качестве повелительной формы 3 лица обоих чисел дагурский язык использует аффикс *-тгай* < **-tuɣai*, бур. *-г* < **-γ*, бур.-зап. *-тгайг* < **-tuɣai* + **-γ*. Бурятский язык характеризуется развитием формы опасения и предостережения на *-уужа* < **-baʃ-a* (письм.-монг. *-γuʃai*) в особую форму со значением отложенности желаемого или требуемого действия, которая может употребляться в императиве 3 лица (часто образуя двойную форму *-уужаг* < **-baʃ-a* + *-γ*) и в волонтиативе 1 лица с лично-предикативными частицами. В данном контексте императив 3 лица **-γ* оказывается включенным в парадигму лично-предикативных форм и, видимо, уже в этом значении наращивается в качестве дополнительного показателя в зап.-бур. императиве 3 лица на *-тгайг*. Для 2 лица значение отложенности передает аффикс *-аарай* < **-ɣarai*, который может присоединять дополнительно лично-предикативные частицы 2 лица ед. и мн. ч. для усиления императивности. Уважительная форма образуется при помощи аффикса сложносоставного аффикса *-аарайгты* < **-ɣarai* + **-ɣtui*. Увещательные формы 2 лица на *-ыш* < **-ā ʃi* (письм.-монг. *-γaʃi*) и *-ыт* < **-ā ta* характерны для бурятского языка. В этом значении в дагурском языке используются группа желательно-увещательных форм на *-гаан* ~ *-гаань* < **qu(n)* или **qu ni*, которые могут присоединять лично-притяжательные и лично-предикативные частицы; значение увещания выпячивается при наращении эмфатической гласной: *-гаанез*. Призывательная форма на *-я* < **-γ-a* бытует и в дагурском, и в бурятском языке. В бурятском к ней можно присоединить лично-предикативную частицу 1 лица мн. ч. *-бди*, что подчеркивает призыв именно к совместному выполнению действия. В дагурском данная форма может служить в качестве волонтиатива 1 лица ед. ч., в бурятском же в данном значении она принимает эмфатический гласный твердого ряда, принимая вид *-яа*, что усиливает намерение. Намерительная форма 1 лицо в бурятском языке также может быть выражена при помощи особого аффикса *-һу* < **-su* (письм.-монг. *-suɣai*), которая используется для обоих чисел, для ед.ч. лично-предикативная частица употребляется факультативно, для множественного числа – обязательно. Желательная форма на бур. *-һай* < **-sai* (письм.-монг. *-sai* ~ -

yasai) соответствует в дагурском аналитической форме сослагательного наклонения, что указывает на возможный путь развития *-*sai* из сослагательной формы. Опасительная форма в дагурском языке образуется на базе индикатива на -*б* и причастия настояще-будущего времени на -*гу*. В бурятском языке имеется целый ряд дубитативных форм: свое исконное значение сохраняет дубитатив на -*ужса(н)* < *-*ba j-a*, опасительным значением обладают формы прошедшего времени на -*ба* и -*лай*, а также причастие настояще-будущего времени на -*ха* и изъяснительная форма настоящего времени на -*на* с модальной частицей *аа гу*.

Обстоятельственное наклонение. Условная и уступительная формы в обоих языках образуются при помощи условного и уступительного деепричастия, а в бурятском также при помощи условных и уступительных частей.

Сослагательное наклонение образовано аналитической формой с основным глаголом в форме будущего времени на -*ха* и вспомогательным глаголом в форме прошедшего времени: даг. *аасан*, бур. *байгаа*.

§ 4 «Местоимение» посвящен особой группе слов с заменной функцией и окказиональным вещественным значением, которые способны отразить всю систему знаменательных слов. При этом замена может быть определенной (т.е. в некоем контексте заменяется определенный предмет, качество, количество, действие или характеристика действия), неопределенной или обобщенной. Вопросительные местоимения требуют замены неким знаменательным словом. Состав местоимений в дагурском и бурятском языках в целом сходен. Самая главная особенность дагурского языка в системе личных местоимений это сохранение личных местоимений 3-го лица (ед.ч. *ини* < **i(n)*, мн. ч. *аан* < **a(n)*), которые в остальных монгольских языках были заменены указательными местоимениями, в языке монгольской письменности сохранились рефлексы этих местоимений в аффиксах личного притяжания 3-го лица, а также некоторых косвенных формах дат.-мест. пад. *итадур*, *ита-аба*. В дагурском языке сохранилось эксклюзивное местоимение 1-го лица мн. ч. в исходной форме *баа* < **ba*, тогда как в бурятском языке начальный согласный развился в *м*, и в именительном падеже местоимение выступает только в формах множественного числа: *маанар*, *маанад*, *маан(а)дууд*. В дагурском языке выработалось вопросительное личное местоимение *ании* 'кто?' < **ali*. В дагурском и отдельных бурятских диалектах местоимение *таа* < **ta* сохранило значение множественности без дополнительного показателя множественного числа, ср. лит.-бур. *таанар*, разг.-бур. *таанад*, *таан(а)дууд*. Количественно-вопросительное слово *юокез* 'сколько?' характерно только для дагурского языка. Подобного слова в бурятском языке нет. Наряду с этим в дагурском употребляется слово *хэд* 'сколько?', которое является общемонгольским и существует в бурятском языке: *хэдэн*, *хэды* 'id.' < **kedün*, *kedüi*. Неопределенные местоимения образуются по одинаковой общемонгольской модели с постпозитивным (только иногда препозитивно) использованием числительного даг. *нэк(эн)*,

бур. *нэгэ(н)* < **nigen* 'один', а также уступительной частицы даг. *ч(иг)*, бур. *-ш(ве)* < **čigi* ~ **či*. В бурятском языке, видимо, под влиянием русского языка в качестве неопределенных местоимений используется вопросительная синтаксическая конструкция типа *хэн бэ даа* ['хэн'эб 'даа], *хэм даа* < *ken bui da*, представляющая собой лексикализованное вопросительное предложение. Таким образом, возникает целый ряд неопределенных местоимений, таких как *юун бэ даа*, *ямар бэ даа*, *хэдыб даа* и т.п. В дагурском языке такая модель образования неопределенных местоимений неизвестна. Возвратные местоимения по сути те же, за исключением того, что в бурятском языке существуют две отдельные формы возвратного местоимения для ед. и мн. ч.: *өөрөө* «сам» < **öber-iyen*, *өөһэдөө* «сами» < **öbersüd-iyen*. Обобщительное местоимение даг. *хоо*, бур. *хуу* «все, весь» объединяет дагурский и бурятский языки, это местоимение известно в среднемонгольских памятниках, а также в калмыцком языке – *ху*, *хугтан* «все».

§ 5 «Служебные слова» рассматривает группу служебных слов дагурского и бурятского языков, которые обнаруживают сходные элементы, характерные только для этих языков и отсутствующие в других монгольских языках. Особенно это заметно при сравнении дагурского материала с материалом бурятских говоров, а не литературного языка. Причем параллели дагурским формам находим как в западных, так и в восточных говорах бурятского языка. Так, 1) запретительная частица даг. *буу киш* образована по аналогичной модели и соответствует бур. *бүүхэн* < **bü(ü) kin* ~ **bü(ü) kiŋ* ('запрет. част.' *ki*- 'делать'+-*n* ~ *ŋ*(?)) 'соед. деепр.') в отличие от монгольско-ойратской модели калм. *бичэ* ~ *бичкэ*, халх. *битгий* < **bitegei* < **bü(ü) te geŋ* ('запрет. част.' *ge*- ~ *ki*- 'говорить, думать, делать'+ *ŋ*(?) ~ -*n* 'соед. деепр. '); 2) частица общего вопроса в дагурском представлена формой с согласным **j*: -*йээ*, где долгая гласная имеет модально-эмфатическую природу, и тем самым совпадает с монгольско-ойратским ареалом. К этому же ареалу по данному признаку попадают западно-бурятские говоры (зап.-бур. *тиимий?* 'так ли?' и т.п.) и недавние выходцы из Халхи – сартулы и цонголы, тогда как в хори-бурятском вопросительная частица общего вопроса содержит согласный **g* (хор.-бур. *тиимэ гү?* 'так ли?'), в эту же изгlossу входит только хамниганский; 3) вопрос. частица даг. *кагоо* соответствует бур. *ха гү*, и хамн. *ка гоо* и, видимо, является заимствованной из последнего; 4) порядок следования вопросительной частицы и лично-предикативных аффиксов: в даг. вопросительная частица занимает самую конечную позицию после лично-предикативных аффиксов, а в бурятском – перед лично-предикативными аффиксами. Аналогичный дагурскому порядок следования лично-предикативных аффиксов и вопросительной частицы имеет хамниганский.

В заключении подведены основные итоги исследования специфики дагурско-бурятских языковых связей. Результаты нашей работы позволяют сделать вывод о том, что несмотря на довольно большое количество сходных фонетических и грамматических черт, судя по характеру этих совпадений, степень близости внутри монгольской языковой группы для рассматриваемых

языков довольно незначительная, что свидетельствует о продолжительном изолированном развитии некогда родственных языков, которые затем, в относительно недавнее время, испытали контактное взаимовлияние. Картину усложняет тот факт, что дагурский язык находится в зоне интенсивных контактов с тунгусо-маньчжурскими языками, а бурятский отражает следы множества различных живых и возможно мертвых монгольских диалектов. Кроме такого пестрого наслоения родственных идиом, бурятский содержит следы и других языков, таких как, тюркские, кетские, самодийские [Рассадин, 1982].

Основные фонетические сходства между дагурским и бурятским языками, которые сразу обращают на себя внимание, а именно: 1) делабиализация огубленных гласных первого слога после губных согласных при наличии широкого гласного в последующих слогах в таких словах как даг. *баргаас*, *балга*, бур.-диал. *баргааһан*, *балган*; 2) отсутствие фонемы **ö*; 3) спирализация глухой шипящей аффрикаты и другие не могут являться достаточным основанием для сближения дагурского и бурятского языков в рамках особого ответвления родственных языков.

То же самое касается сходных морфологических явлений рассматриваемых языков, таких как: 1) формальная конвергенция родительного и винительного падежей (в дагурском и зап.-бур. говорах); 2) развитие системы лично-предикативных частиц; 3) избыточное употребление притяжательных аффиксов и т.п. лежат частично в сфере унаследованных явлений, частично обусловлены более поздними контактами.

Таким образом, дагурский и бурятский языки, будучи монгольскими языками, содержат в себе основной фонетический и морфологический слой общемонгольского характера, а также сходные фонетические и морфологические элементы, имеющие общий дагурско-бурятский характер и выделяющие их на фоне прочих монгольских языков. Эти общие дагурско-бурятские элементы являются в основной массе следствием относительно позднего языкового контакта. Контактные взаимовлияния родственных языков являются наиболее трудной областью сравнительно-исторического изучения языков, что усложняет картину и затрудняет выделение собственных черт и моделей развития для каждого рассматриваемого языка. Детальное установление возможных путей и объемов этих контактов возможно только в более широком историческом и лингвистическом контексте обширной территории байкальского региона, Маньчжурии и Приамурья.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях

Статьи, опубликованные в журналах, входящих в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК:

1. Бадагаров Ж.Б. Выражение категории множественности в бурятском и дагурском языках // Вестник Бурятского государственного университета. Сер.6. Филология. – Улан-Удэ, 2004. – Вып.7. – с. 77-83 (0,5 п.л.).

2. Бадагаров Ж.Б. Категория склонения в дагурском и бурятском языках // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. №4. 2012. – с. 108-117 (1,2 п.л.).

3. Бадагаров Ж.Б. Фонетические процессы в системе гласных дагурского и бурятского языков // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 8. Востоковедение. 2013. – с. 25-29 (0,6 п.л.).

Статьи, опубликованные в других изданиях:

4. Бадагаров Ж.Б. Дагурско-бурятские языковые связи // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Т. III. Языки. Фольклор. Литература: Материалы международной научной конференции. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – с. 11-15.

5. Бадагаров Ж.Б. Грамматические категории имен существительных бурятского и дагурского языков // Мир Центральной Азии. Т. IV, Ч. I. Языки. Фольклор. Литература: Материалы международной научной конференции. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. – с. 11-14.

6. Бадагаров Ж.Б. Система частиц в бурятском и дагурском языках // Чингисхан и судьбы народов Евразии: Материалы международной научной конференции (3-5 октября 2002 г.). – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2003. – с. 467-472.

7. Бадагаров Ж.Б. Буриад ба дагуур хэлний сул үгийн тогтолцоо // Монгол Улсын Их Сургуулийн Монгол судлалын эрдэм шинжилгээний бичиг, №XXI (220), 2003. – с. 70-73.

Подписано в печать 23.05.13. Формат 60x84/16.
Печать офсетная. Бумага тип. № 1. Усл. п. л. 1,39.
Тираж 100 экз. Заказ 21.

Издательство Калмыцкого университета.
358000 Элиста, ул. Пушкина, 11